

УДК 81.42

«Лес» и «дом» как ключевые концепты главной оппозиции сказочного дискурса (в рамках общей дискурсивной теории)

Шаколо А.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Исследования в области дискурсивного анализа текста становятся все более значимой сферой интересов лингвистов. Что касается сказочного дискурса, ключевой его концептуальной оппозицией является противопоставление дома и леса. И лес, и дом выступают в сказках в качестве двух основных, никогда не отождествляемых миров.

Цель статьи – рассмотреть концепты «дом» и «лес» как неотъемлемые составляющие оппозиции «свой–чужой» в сказочном дискурсе, обосновать важность изучения волшебных сказок, выделить особенности восприятия концептов разными народами.

Материал и методы. *Материалом для работы послужили русские и немецкие волшебные сказки, собранные А.Н. Афанасьевым и Я. и В. Гримм. В ходе исследования были использованы описательный, индуктивный, сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический методы.*

Результаты и их обсуждение. *В данном случае принципиально акцентировать внимание на бинарных концептах. Изначально противопоставление жилища и леса являлось очевидным. Имели место нюансы: не столь настороженное отношение к лесу у германцев, более сакральное к дому – у славян. На основе толкований леса и дома можно сделать вывод о тесной взаимосвязи данных концептов при абсолютно разных функциях. Примеры, взятые из сказок, собранных Афанасьевым и братьями Гримм, служат наглядными подтверждениями необходимости наличия в сказочном дискурсе концептуальной оппозиции «лес–дом».*

Заключение. *Концепты «лес» и «дом» являются несменными составляющими главной оппозиции сказочного дискурса. У русских лес опаснее, у немцев отношение к нему не столь негативно; в обоих случаях, однако, сложно переоценить роль дома и леса для славян и германцев.*

Ключевые слова: *лес, дом, сказочный дискурс, ключевая оппозиция, русские и немецкие волшебные сказки.*

(Ученые записки. – 2016. – Том 21. – С. 144–147)

«Forest» and «House» as Key Concepts of the Main Opposition within the Fairy Tale Discourse (in the Context of the General Discourse Theory)

Shakola A.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Researches of the discursive analysis become a more and more significant sphere of linguists' interest. The key conceptual opposition of the fairy tale discourse rests on contrasting the house and the forest, fundamental opposite worlds.

The purpose of the article is to consider concepts of house and forest as the integral elements of the friend vs. foe opposition, to prove the importance of studying in the area of fairy tales, to emphasize perception peculiarities of the concepts by different peoples.

Material and methods. *As material of our article we have used Russian and German fairy tales, collected by A.N. Afanasyev and J. and W. Grimm. Descriptive, inductive, comparative, cultural-historical methods have been used in the research.*

Findings and their discussion. *It is significant that we should point out binary concepts. Initially, the opposition of house and forest was obvious. Distinctions took place: not so guarded attitude towards forest among Germanic peoples, more sacral – towards house among Slavs. It is possible to draw a conclusion on close interrelation between forest and house, their functions being different. The examples taken from fairy tales evidently serve in support of the conceptual opposition «forest–house».*

Conclusion. *The concepts of forest and house are permanent components of the main opposition within the fairy tale discourse. Russian forest is more dangerous while German attitude to it is not so negative; in both the cases, however, it is difficult to overestimate the role of house and forest for Slavs and Germanic peoples.*

Key words: *forest, house, fairy tale discourse, key opposition, Russian and German fairy tales.*

(Scientific notes. – 2016. – Vol. 21. – P. 144–147)

Исследования в области дискурсивного анализа текста в последнее время становятся все более значимой сферой интересов лингвистов всего мира. Общеизвестно, что человеческое сознание построено по принципу единой системы, причем система эта характеризуется явной бинарностью на самых разных уровнях, что и находит отражение как в жизненных, так и в языковых реалиях. Отсюда и множество всевозможных оппозиций в лингвистике, которые не только служат подтверждением фонологической концепции выдающегося русского языковеда Н.С. Трубецкого, но и выходят за ее пределы. Этим объясняется наличие оппозиций семантических и концептуальных. В данной статье мы рассмотрим ключевую концептуальную оппозицию сказочного дискурса, основанную на противопоставлении ее главных концептов-архетипов — дома и леса.

Понятие дискурса в современной лингвистике раскрывается в работах следующих ученых: Н.Д. Аругюновой, Э. Бенвениста, В.Г. Борботько, Т. ван Дейка, Н.И. Формановской, В.А. Андреевой, Р. Барта, В.А. Звегинцева, В.Е. Чернявской и др. Несмотря на различие в подходах к сущности данного понятия, языковеды сходятся в его несомненной важности и актуальности для филологических наук. Дискурс волшебных сказок требует, на наш взгляд, более детального изучения, так как в современном понимании сказочных текстов не всегда принимаются во внимание их истоки. На первое место в сказках зачастую ставят дидактический компонент, наличие которого в них, разумеется, было бы бессмысленно отрицать, однако следует сделать основной акцент на противопоставлении, без которого едва ли возможно представить какую бы то ни было сказку и которое, несмотря на свою, выражаясь современным языком, популярность в сказочном дискурсе еще с незапамятных времен, зачастую остается незамеченным. Данное противопоставление является оппозицией априори, заложенной в подсознании наших предков и сохранившейся в реликтовой форме в сознании современного человека. Сказки действительно могли служить в качестве предостережения или поучения как для детей, так и для взрослых, своеобразным алгоритмом, однако первопричина этого кроется в головном мозге человека, изначально предопределяющем наличие у нас аналитического мышления и, как следствие, стремление к выделению противоположностей.

Вопросы общей дискурсивной теории, сказочного дискурса и концептуальных оппозиций рассматриваются в трудах таких

ученых, как М.В. Пименова, В.В. Иванов, Х.Э. Керлот. Следует отметить, что и лес, и дом в сказках, собранных братьями Я. и В. Гримм и А.Н. Афанасьевым, выступают в качестве двух основных миров, равных по значимости, живущих по собственным законам, способных пересекаться, но никогда не отождествляемых в сознании нарратора или сказочных персонажей. Напротив, они представляют собой наиболее характерную для данного дискурса противоположность, на основании чего мы и можем утверждать, что в сказочном дискурсе эти два концепта занимают основополагающую позицию.

Цель статьи — рассмотреть концепты «дом» и «лес» как неотъемлемые составляющие оппозиции «свой—чужой» в сказочном дискурсе, обосновать важность изучения волшебных сказок, выделить особенности восприятия концептов разными народами.

Материал и методы. Материалом для работы послужили русские и немецкие волшебные сказки, собранные А.Н. Афанасьевым и Я. и В. Гримм. В ходе исследования были использованы описательный, индуктивный, сравнительно-сопоставительный, культурно-исторический методы.

Результаты и их обсуждение. В «Словаре символов» испанского писателя и искусствоведа Х.Э. Керлота приводится следующее описание такого в равной мере древнего и амбивалентного образа-символа, как «лес»: «В ряду общей пейзажной символики лесу отводится важное место в мифах, легендах и народных сказках. Сложная символика леса связана на всех уровнях с символикой женского начала или Великой матери. <...> Так как женское начало принято отождествлять с бессознательным в человеке, лес также рассматривается как символ бессознательного. Именно по этой причине Юнг утверждает, что лесные страхи, столь часто встречающиеся в детских сказках, символизируют опасные аспекты бессознательного, т.е. тенденцию к пожиранию или сокрытию разума. Циммер подчеркивает, что в противоположность городу, дому и обрабатываемой земле <...>, лес дает приют всевозможным опасностям... Поэтому леса в первую очередь были местом культов богов, а умиляющие жертвы подвешивались на деревьях (дерево в этом случае — эквивалент жертвенного столба)» [1, с. 289].

Для сравнения обратимся к описанию Керлотом не менее значимого архетипа «дом»: «Мистики традиционно представляли женский аспект мироздания в виде груди, дома, стены, огражденного сада. Другая символическая связь существует между домом (а также вышеупомянутыми формами) и хранили-

щем мудрости, т.е. традиции самой по себе. <...> ...Прежде всего дом как жилище вызывает богатейшие ассоциации с телом и мыслью (т.е. жизнью) человека... А. Тейяр поясняет это тем, что образ дома во снах представляет собой различные уровни (души). Фасад здания означает внешний облик человека: его личность или его маску. <...> Крыша и верхний этаж соответствуют голове и разуму... Следовательно, подвал ассоциируется с бессознательным и инстинктами (подобно сточным трубам в городской символике). Кухня, где происходит превращение пищевых продуктов, означает место или момент духовных трансмутаций в алхимическом смысле. <...> Лестницы – соединения различных уровней души... В конечном счете, как уже сказано, дом ассоциируется с человеческим телом, особенно в аспекте выходов из него, что отмечал Артемидорос Далдианус» [1, с. 179–180].

На основе двух толкований леса и дома можно сделать вывод об их тесной взаимосвязи при абсолютно разных функциях (уместной будет параллель с полушариями мозга). Если дом – модель самого человека, хорошо знакомая ему и вызывающая, как правило, устойчивые ассоциации с понятием космоса в значении, которое вкладывали в него еще древние греки, то лес – воплощение хаоса. Он может символизировать, как было отмечено выше, женское начало, бессознательное, хаотичное. Если же обратиться к древнекитайской натурфилософии, одним из ее постулатов является обозначение женского начала инь как тождественного земле, Луне, покою. Несмотря на то, что субстанция инь – холодная, темная, негативная – именно она вносит гармонию в наш мир, дополняя ян. Этим и объясняется большинство сказочных сюжетов, сочетающих житейское понимание мира с древнейшими знаниями наших предков: герой переходит из одного состояния в другое, преображается, проходя испытания. «Дом–лес» – не столько схематическое перемещение из пункта А в пункт В в сказочном дискурсе, сколько движение по спирали: в финале сказки персонаж чаще всего возвращается к начальной точке, он вновь дома (будь то родительский дом или же царские палаты, ставшие его новым домом), но уже не в прежнем качестве. Работает принцип «всё или ничего», и сюжетная канва сказки целиком пронизана упорной борьбой за первое, чтобы восстановить нарушенный миропорядок.

В качестве наглядных подтверждений наших рассуждений рассмотрим примеры, взятые из сказок, собранных Афанасьевым и братьями Гримм.

В сказке «Жар-птица и Василиса-царевна» все трудности в жизни главного героя нача-

лись с того момента, как тот поднял во время охоты перо жар-птицы в лесу, а затем отнес его царю, не прислушавшись к увещаниям богатырского коня. В дальнейшем, после всех перипетий, стрелец будет в отчаянии укорять себя за это: «Вот беда, так беда! – думает он. – Ах, зачем я брал золотое перо жар-птицы? Зачем коня не послушался?» [2, с. 346]. Но в конце сказки, возможно, послужившей впоследствии П.П. Ершову основой для его «Конька-горбунка», вопреки обреченным настроениям персонажа, главный герой (протагонист) не только остается жив, но и женится на первой красавице – Василисе-царевне. Таким образом, становится очевидным, что лес из привычной герою местности для охоты перерождается, как ему кажется, в губителя, или, по меньшей мере, место, где он нашел причину своей неминуемой гибели – перо. (Обладательница пера, следует заметить, также обитала именно в лесу). Однако, проходя инициацию, делая своеобразные витки в направлении вверх, стрелец выдерживает все испытания и в итоге обретает свое счастье, а вместе с ним – и новый дом, доставшийся ему после гибели его несостоявшегося палача и предшественника – старого царя. Оппозиция «лес–дом» в данном случае полноценно реализуется в равной мере благодаря обоим компонентам – лесу, способному наделять дарами и губить одновременно, и дому, нашедшему воплощение в богатырском коне. Роль Василисы неоднозначна, она – образ на перепутье: охарактеризовать ее можно пушкинской рифмой «любим – губим» – царевна являет собой начала и созидательные (для стрельца), и разрушительные (для царя), отражая суть оппозиции наиболее полно.

Сказка «Das Waldhaus» («Лесной дом»), записанная братьями Гримм, повествует о трех сестрах, по очереди отправленных матерью в лес: каждая из них должна была принести обед отцу-дровосеку, но ни одной не удалось этого сделать – заблудившись в лесу, девушки приходили в лесной дом в надежде, что там можно будет переночевать. В доме жили седой старик, курочка, петушок и пестрая корова. Старшая и средняя сестры допустили одну и ту же ошибку: не накормили животных, за что оказались запертыми в погребе, в то время как младшая отнеслась с одинаковой учтивостью ко всем, жившим в доме. За свою доброту она, чего и следовало ожидать, была вознаграждена искренней любовью расколдованного принца: «И это [заклятие] должно было длиться до тех пор, пока не придет к нам девушка, настолько добрая, что не только к людям, но даже к животным выкажет себя милостивой» [3, с. 323]. Лесной дом превращается в прекрасный дворец, курочка, петушок

и корова — в слуг, сестер отправляют на «перевоспитание» за недостойное человека обращение с животными (тем злободневнее сказка для современности!), а главная героиня, сумев пройти все испытания, выходит замуж за королевского сына. Проводя аналогию с записанной Афанасьевым сказкой, можно с уверенностью говорить о той же схеме развития событий здесь, с той лишь спецификой, что в центре в данном случае — женская инициация. Если достойный своего рода мужчина — отважный защитник, воин, то женщина являлась хранительницей домашнего очага, и такие качества, как участие, забота, сострадание, милосердие, на поле битвы зачастую неприемлемые (ср. «À la guerre comme à la guerre»). Они наилучшим образом характеризовали жену и мать, прочно войдя в комплекс представлений об истинной женственности. Лесу, красной нити этой немецкой сказки, здесь уделено особое внимание: дворец изначально находился в лесу, жена дровосека отправляет дочерей одну за другой в лес и только потом сожалеет об этом, вспоминая об опасности, в качестве наказания сестры остаются работать в лесу у одного угольщика. Как видим, отношение к лесу у потомков древних германцев явно более мягкое, хотя и не исключается его негативное влияние на человека ввиду всевозможных угроз; но никакие угрозы не мешают добродетельным персонажам найти свое счастье — так концепты «лес» и «дом» не только коррелируют, но и обогащают друг друга: даже лес становится домом для положительных героев, когда для отрицательных и дом не может быть укрытием.

В белорусских сказках также встречаются сюжеты, близкие русским, — например, сказка «Каваль і Аднавокае Гора», во многом напоминающая «Лихо одноглазое» из сборника Афанасьева. В обеих сказках ключевым является образ Лиха, живущего в лесной избе (в немецких сказках в лесах живут великаны или ведьмы, однако в западноевропейской традиции нишу Лиха занимает циклоп, известный еще со времен «Одиссеи» Гомера и, по-видимому, в измененном образе дошедший до славян). Примечательно отсутствие каких бы то ни было аналогов слову «лихо» в неславянских языках — понятие неперебиваемое, исконное, с явно негативной для носителя язы-

ка коннотацией, лакуна. Кузнецу удается и увидеть Лихо в прямом смысле (ср. «хлебнуть лиха», «узнать, почём фунт лиха», «навидаться лиха», а также цепочку «лихо — лишний — нечет»), и выжить после встречи с ним (тем же способом, что и Одиссею, с той лишь разницей, что главный герой в сказке теряет руку). Т.е. персонажу удалось спастись и, покинув мрачный, жестокий лес, вернуться домой, — после всего, что с ним произошло, он стал опытнее и отказался от дальнейших поисков Лиха, открыв для себя простую истину: «Не буди лихо, пока оно тихо». Но, чтобы подобные открытия были возможны, и необходима в сказочном дискурсе концептуальная оппозиция «лес—дом», о чем красноречиво свидетельствуют сами сказки. Прохождение испытаний, обусловленных противопоставлением данных концептов, делает героя сильнее, помогает не только покинуть «зону комфорта», но и восстановить нарушенный в сказке миропорядок в пользу протагонистов, что означает возврат к исходной гармонии и благополучный финал.

Заключение. Таким образом, концепты «лес» и «дом» являются несменными составляющими главной оппозиции сказочного дискурса, образуя тем самым ядро противопоставления «свой—чужой» в сказках. У русских лес более мрачен и опасен, у немцев отношение к нему не столь негативное; в обоих случаях, однако, сложно переоценить роль дома и леса для славян и германцев. На основе вышесказанного отметим, что суть оппозиции — в единстве противоположностей и неразрывной связи ее элементов, — в очередной раз подтверждает, каким неиссякаемым источником мудрости были знания наших далеких предков, не теряющие своей актуальности и в настоящее время. Кроме того, из данного исследования четко следует необходимость дальнейшего изучения сказочного дискурса.

Литература

1. Керлот, Х.Э. Словарь символов: науч.-попул. изд. / Х.Э. Керлот. — М.: REFL-book, 1994. — 608 с.
2. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. / подг. изд. Л.Г. Бараг и Н.В. Новиков. — М.: Наука, 1984—1985. — Т. 1. — 512 с.
3. Гримм, Я. Собрание сказок: в 2 т. / Я. Гримм, В. Гримм. — М.: Литература, Престиж Бук, 2007. — 464 с.

Поступила в редакцию 03.02.2016 г.